

К 90-летию со дня рождения Всеволода Иванова

Всеволод ИВАНОВ (пятый слева) среди военных корреспондентов у рейхстага. Май 1945 г.

В эти февральские дни Всеволоду Вячеславовичу Иванову исполнилось бы 90 лет. Отмечая юбилей, мы публикуем статью В. Каверина и материалы из архива В. Иванова.

ПОЛВЕКА тому назад рассказ занимал важнейшее, если не главное место в нашей литературе. Бурная, всемирная слава М. Горького, например, началась с рассказов. Л. Андреев, Куприн, Бунин, да и множество современных нам знаменитых писателей открыли свою литературную деятельность рассказами.

Затем рассказ затих. Было время, когда все создавали лишь многотомные эпопеи и появление книжки рассказов казалось странным и старомодным случаем. Любовь писателей и читателей к многолистному, толстому роману объясняли тем, что грандиозные события нашей эпохи можно показать лишь эпосом, рядом крупных событий и картин, историей поколений. Писателям казалось, что они не столько поэты, сколько историки. Кое-кто на этом выиграл, а кое-кто и проиграл. Во всяком случае, рассказ хирел и слабел; казалось даже, что он вот-вот исчезнет совсем.

Но в литературе жанры, однажды развившись, редко вымирают. Тем более не может умереть рассказ, имеющий за своими плечами столетия жизни, если не тысячелетия. Видоизмениться он может: литература, живопись, архитектура, музыка потому и называются искусствами, что человек часто видоизменяет их, улучшает, обновляет,

ИСКУССТВО РАССКАЗА

Наброски к выступлению

делает их отличными от того, как они выглядели в прошлом, дает им более красивое, убедительное внешнее и внутреннее содержание, соответствующее духу того времени, в которое они создаются!

Сейчас, мне кажется, писатель вновь возвращается к рассказу. Возвращается обогащенный трудами и чтением, изучением эпопей, историей, героическими и возвышенными днями ее.

Книг рассказов стало больше. Интерес читателя к рассказу возрос. Это хорошо. Растение ведь можно определить не только по форме ствола и корней, но и по форме и окраске листьев. Стихи и рассказы — это та великолепная и шумящая крона, которая издала обрисовывает нам контур дерева...

Рассказ должен поражать пронизывающим его чувством чистосердечности, словно создавал его человек, который только-только научился писать и относится к бумаге с необыкновенным уважением,

считая, что надо писать все без утайки! На каждой странице, в каждой строке перед нами встанет тогда удивительно искренний, откровенный человек, не знающий лжи, притворства, человек необыкновенно чистый, почти наивный.

Вот эта-то хорошая наивность — качество крайне ценное у рассказчика. И это вовсе не значит, что рассказы должны строиться наивно, что изобразительные средства тоже наивны.

Для хорошего рассказа требуется глубокий психологизм...

Следует предъявлять требования и по технике слога, по технике ремесла, по технике писательского и, если хотите, живописного искусства в рассказе. Мне кажется, что современная литература — где-то в области портрета, пейзажа, интерьера — тесно соприкасается с живописью. Я, например, часто, когда не могу выразить словом задуманное, тянусь к кисти. Разу-

меется, кистью я выражу свое настроение — по неопытности — хуже, чем слогом, но — тянусь. Впрочем, я и к музыке тянусь, и к архитектуре — ко всему, что является искусством и совершенством.

Друзья, надо совершенствовать свое искусство!..

Литература меняется.

Литература меняет свои очертания, свой стиль и, если позволите, форму. Не развиваясь, не совершенствуясь литература быть не может, и тем более в нашей стране, где вся жизнь строится на развитии, стремлении к совершенствованию, неумолимо, неудержимо, насытно.

Иногда совершенствование в технике нашего мастерства считается предосудительным. Были Толстой, Чехов, Горький, — вот и пишете, как они писали. Как они! А вдруг в искусстве своем Толстой, Чехов, Горький достигли предела выразительности слова и нам, исходя, разумеется, из законов толстовской, чеховской выразительности, нужно искать и свои пути выразительности?..

Подражания не должно быть в искусстве...

Перед нами будущее, в которое мы должны вступить твердой ногой мастеров, знающих свое дело, страстно любящих его и живущих только ради этого дела!

<50-е гг.>

ИНТЕРМЕЦЦО

Из иронической прозы

МЫ СПАЛИ преимущественно днем и впрямь, до конца романа, будем просыпаться никак не раньше 12 часов дня. И напоследок сознаю: события последующих глав, то есть второй части нашего житийского сказания, происходят в течение пяти дней, тогда как беспокойство наше о связности настойчиво побуждает нас растянуть их до месяца, то есть продумать как раз обратное тому, что мы натворили в первой части. Дело в том, что событий и приключений, самых удивительных, за эти пять дней выросло уйма. Их возможно сделать достоверными только тогда, когда мы расставим их среди длинных промежутков времени, — так примерно стояли уездные города в царской России, ибо кто бы смог поверить, если б их поставить все рядом, что может существовать такая чудовищная по неправдоподобию жизнь... Подлинно утверждаю, что все время, хоть я и рискую остаться в душевных потемках, маюся я жадной правдоподобия. Всячески стараюсь быть детальнее; с отвращением временами принуждаю себя к плоскому и уродливому бытовизму, дабы заставить вас поверить, что все так и происходило, но и сам плохо верю своей удаче. Полезно опять-таки поговорить о времени. Поймите, любимые мои, никак невозможно, хотя б это и было б наубедительнейше, протянуть события пяти дней на год: и героев нет — частью разъехались они, частью их разъезжали — и... забавно и приятно наблюдать, как течет время, грациозно, но строго, смеясь над романтизмом!.. И уже вместо деревенно-колонного № 42 вышляется восьмизатяжная громада с универсамом, прачечной, газоубежищем и прочим; недавно я проходил мимо него — где узнать переулок! И подумалось мне: а не бросить ли к чертям собачьим весь роман, не ограничиться ли отрывками и не выкроить ли из них какой-нибудь драматургической безделки, но тут же благой мат честолюбия указал мне на участь романиста — не поиски времени, как утверждает классик и туша его подражателей, а проецирование теперешнего состояния вашего сознания на прошлое; ведь, по правде сказать, и мыслию меня тогда были иные, и события совершались по-иному. Извините меня за эту откровенность, но будем искренни: вообще-то смысл человека не вырасти в полного подлена, а в книге, уверяю вас, это еще труднее, чем в быту, и если вам не нравится моя манера

<1932 г.>

Публикация
Тамары ИВАНОВОЙ